

Оксана Лебедь

Развод в 40. Жили долго и... Хватит

<https://litres.ru/74203808>

Аннотация

– Как надолго уезжаешь?

Я складываю еще одну рубашку, смотрю на костюмы и брюки. Даже свитера зачем-то вытащил. Как теперь из этой кучи собрать нормально вещи в поездку? – Навсегда, – слышу голос мужа и усмехаюсь. – Хорошая шутка, – бросаю короткий, быстрый взгляд на него и вновь смотрю на кучу вещей. – Леся, я уйду от тебя. – Смешно, – я поворачиваюсь к Лёше и улыбаюсь, делаю шаг и кладу руки ему на плечи, но Лёша убирает мои руки и делает шаг назад. По его взгляду понимаю, что он не шутит, всё внутри замирает. – Это не шутка, Леся. Я от тебя уйду. На столе лежат документы на развод. Ты не должна была видеть всего этого, но... – он пожимает плечами. – Как уж есть. Я соберу вещи и скоро уйду. *** Двадцать лет брака, взрослая дочь, а муж решил тихо собрать вещи и сбежать не сказав не слова.

Содержание

1	4
2	12
3	22
4	30
5	39
6	48
7	57
8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Открываю дверь квартиры – из комнаты доносится шум. Странно, муж ещё должен быть на работе. Осторожно ступаю вперёд.

– Лёша? Ты дома?

Слышу, как хлопают двери гардеробной в нашей комнате. Нас грабят? Сердце бешено тарабанит в груди, но я продолжаю идти вперёд. Всё тело напряжено. Трясущейся рукой толкаю дверь и, увидев мужа, с облегчением выдыхаю.

– Уф... – Часто дышу и улыбаюсь, прижимая руку к груди. Надо же, какие страхи способен породить собственный разум! – Ты чего не откликаешься? Я чуть с ума не сошла. Думала, нас грабят.

На кровати лежит раскрытый чемодан, рядом раскиданы рубашки, а на полу валяются плечики. Лёша скрывается в гардеробной, затем возвращается, держа в руках несколько пар брюк. Швыряет их на кровать.

– Что происходит? – Часто моргаю.

Я ещё не отошла от испуга, что нас грабят, и соображаю с трудом. Чем это занимается Лёша? Судорожно пытаюсь вспомнить, говорил ли он за последние дни о каких-либо командировках. Неужели я забыла? Подхожу к кровати и начинаю складывать рубашки. Как же неловко.

– Ты в командировку? Прости, последние дни я была так

занята, наверное, забыла.

Лёша кидает в чемодан галстуки, затем переводит на меня взгляд. Я продолжаю возиться с рубашками.

– Леся...

– Куда тебе столько вещей? Надолго уезжаешь? Это всё в один чемодан не поместится. – Смотрю на мужа с улыбкой. Он совсем не умеет собирать чемодан – вечно готов взять с собой весь гардероб.

– Почему ты дома, Лесь? У тебя же самолёт через час.

– Ой... – Я выдыхаю и прижимаю пальцы к виску. – Эта секретарша... Даже не спрашивай. Короче, она всё напутала, и вылет завтра.

– Понятно.

Лёша набирает полную грудь воздуха и медленно выдыхает.

– А ты как? Надолго уезжаешь?

Я складываю ещё одну рубашку, смотрю на костюмы и брюки. Он даже свитера зачем-то вытащил. Как теперь из этой кучи собрать вещи в поездку?

– Навсегда.

Я усмехаюсь.

– Хорошая шутка.

Бросаю на Лёшу быстрый взгляд и вновь перевожу его на кучу вещей.

– Леся, я ухожу от тебя.

Замираю, смотрю прямо перед собой, но ничего не вижу.

По спине пробегает холодок. Что он имеет в виду?

Нет, это не может быть правдой. У нас хорошая семья, мы даже ссоримся крайне редко. Я и не помню, когда это было последний раз. Секс регулярный и качественный – несмотря на возраст, страсть мы не растеряли. Дочь уже взрослая, поэтому живём для себя, путешествуем, радуемся жизни.

– Смешно.

Я, улыбнувшись, поворачиваюсь к Лёше. Делаю шаг и кладу руки ему на плечи, но Лёша убирает их и отступает. По его взгляду понимаю, что он не шутит, и всё внутри замирает. Ничего не понимаю. Это не может быть правдой! Я не хочу в это верить! Не могу!

Внутри всё начинает медленно закипать. Мир плывёт перед глазами. Мне нужно чем-то себя занять, чтобы не выглядеть глупо. Хватаю первую попавшую рубашку и аккуратно сворачиваю её.

– Это не шутка, Леся. Я от тебя уйду. На столе лежат документы на развод. Ты не должна была видеть всего этого, но... – Лёша пожимает плечами. – Уж как есть. Я соберу вещи и скоро уйду.

Пальцы сжимают хлопковую ткань, руки дрожат. Комкаю рубашку и швыряю её в чемодан.

– Ты собирался уйти, даже не объяснив мне свой поступок? – Каждое последующее слово я произношу всё громче – вот-вот сорвусь. – Хотел сбежать, как крыса? Может, спустя двадцать лет брака я заслужила хотя бы крошечное объ-

яснение?!

– Не кричи, прошу тебя. – Лёша морщится так, словно я противна ему, словно мой голос причиняет ему боль. – Я хотел всё сделать без истерик и выяснений отношений. Это ни к чему хорошему не приведёт. Мы взрослые люди и можем решить всё спокойно. Мы уже давно вместе, и понимаешь... чувства уже не те. А с Анжелой... – Лёша замолкает, словно понял, что проговорился.

– С Анжелой? – Меня словно кнутом ударяют по лицу.

– Да, – выдыхает он. – Мы с ней совсем недавно, но... Мы словно всю жизнь были вместе. Понимаем друг друга, чувствуем. Она – мой свет.

– А я – твоя тьма? – усмехаюсь я. Смотрю на Лёшу, и мне так гадко от его слов. Двадцать лет брака, и он решает сбегать ради какой-то другой женщины! – И кто такая эта Анжела? Я её знаю?

Лёша выдыхает и закатывает глаза, а я судорожно перебираю в уме всех знакомых девушек с этим именем.

– Ну какая разница? Ты что, собираешь идти к ней с разборками? Таскать за волосы? Ты же понимаешь, что в этой ситуации только я виноват? Она тут ни при чём!

– Какая разница, спрашиваешь? Да я просто хочу знать, кто оказался лучше меня! Вот скажи, чем она лучше меня? Что она дала тебе такого, чего я не смогла? Разве я так много прошу?!

Потеряв контроль, я толкаю мужа в грудь, и он отступив

на шаг, хватает меня за руки.

– Это Анжела Кузнецова! – кричит он мне в лицо.

Меня словно парализует, в шоке открываю рот.

– Анжела Кузнецова... – едва шевеля губами, повторяю я. – Она ведь... Она ведь...

– Однруппница нашей дочери, – договаривает за меня Лёша и отпускает мои руки.

Я впадаю в ступор, руки дрожат. Пытаюсь осмыслить слова мужа, хлопаю глазами.

– Она же... она ровесница твоей дочери, – заторможенно произношу я. – Как? Когда у вас всё это началось?

– Я всё понимаю, но... – Лёша пожимает плечами и качает головой. Взгляд такой равнодушный. Кажется, муж даже не сожалеет о том, что разрушил наш брак. – Я устал от тебя. Ты тянешь меня вниз, а она дарит мне крылья. Рядом с ней я чувствую себя мужчиной.

– А рядом со мной кем ты себя чувствуешь? Мы только вчера занимались любовью в этой самой кровати и... – Трясу головой, мурашки бегут по коже. Я ведь ни на секунду не сомневалась в нашем браке, не видела ни одной трещины. – Ты ведь говорил, что любишь...

– Говорил, – выдыхает Лёша. – Но не тебе. Каждую минуту своей жизни я думаю об Анжеле.

Как это противно слышать! Меня даже начинает подташнивать, суставы скручивает до боли.

– Ты бы хоть о дочери подумал! Понимаешь, какую трав-

му ты ей нанесёшь? – Я уже с трудом сдерживаю слёзы. – Ты спутался с её подругой!

– Думаю, Полина всё поймёт. Она ведь видит разницу между вами. Понимает, что ты стареешь. А Анжела...

– Не смей произносить это имя!

Кажется, меня точно стошнит, если я ещё хоть раз его услышу.

– Наша дочь очень умная, и за это я тебе благодарен. Ты была хорошей женой и замечательной матерью. Но все женщины имеют свой срок годности...

Не выдержав, бью мужа по лицу. Каждое его слово причиняет мне боль. Хочу уйти, но муж ловит меня за руки и дёргает к себе.

– Не смей поднимать на меня руку, – цедит Лёша сквозь зубы. На его щеке краснеет след от моей ладони. Он отпускает меня и возвращает себе невозмутимый вид. – Мы же взрослые люди. Я не хочу, чтобы у нас были разногласия. Тем более накануне свадьбы нашей дочери. Грядёт такое замечательное, радостное событие. Не будем омрачать его скандалами.

– Взрослые люди? – усмехаюсь я. – Ты несколько месяцев трахался где-то на стороне, а теперь тайком собираешь вещи, думая, что я в командировке. Это так поступают взрослые люди?

– А что, я должен был врать тебе и дальше?

Смотрю на мужа. Он правда не понимает, что я пытаюсь

до него донести, или прикидывается?

– Ты мог прийти ко мне, когда всё это началось. Прийти и честно всё рассказать! – срываюсь я на крик. – Это было бы честно по отношению ко мне! А то, как поступил ты, – омерзительно!

– Перестань орать. – Лёша демонстративно зажимает ухо ладонью. – Ты меня скоро оглушишь. Я хотел избежать вот этого. Всех этих выяснений отношений. Я знал, что так и будет.

В шоке открываю рот, даже начинаю задыхаться от возмущения. Такое чувство, что кто-то выбил весь воздух из лёгких.

Лёша недовольно качает головой, отодвигает меня в сторону и начинает быстро кидать в чемодан оставшиеся вещи. Поначалу даже пытается складывать одежду, но уже через несколько секунд просто комкает и бросает её.

Внутри меня всё полыхает огнём, но вдруг накатывает какое-то странное состояние, которое тушит во мне эмоции. Мне становится безразлично всё, что происходит сейчас, а перед глазами проносятся лучшие моменты нашей совместной жизни. Вспоминаю, как мы познакомились, как смотрели друг на друга, как часами лежали в постели и разговаривали, как я болела, а Лёша приносил мне чай и заставлял пить лекарства.

– А знаешь что? – говорю я и гляжу сквозь мужа, не моргая. Затем фокусирую взгляд на Лёше. – Может, ты и прав.

Чувства уже не те. Надеюсь, ты получишь то, чего заслуживаешь, рядом с этой... Анжелой. – Её имя встаёт поперёк горла.

Леша замирает, а затем медленно поворачивается ко мне. Выдыхает и опускает голову.

– Леся, для меня это тоже был нелёгкий выбор, но я уважаю тебя и не хочу больше врать. Мы любили друг друга, но со временем чувства угасли, и я рад, что ты меня понимаешь.

Я беру свою сумку с кровати, мну ремешок в руках. Поднимаю голову.

– Мне нужно на работу, – гордо произношу я. – Надеюсь, когда я вернусь, тебя уже здесь не будет.

– Конечно. – Лёша кивает.

Разворачиваюсь на месте, как солдат, и быстро направляюсь к выходу.

Перед глазами всё плывёт. Как только я закрываю дверь квартиры, на меня обрушивается шквал эмоций: гнев, разочарование, боль. И кажется, боль перекрывает всё остальное.

Ноги сами несут меня на работу, где нет места чувствам. Надеюсь, хоть там я смогу спрятаться и отвлечься. Как же хочется быть взрослой и сильной, но что делать с эмоциями? Выбросить в мусорку двадцать лет брака? Если было бы хоть что-то, за что можно зацепиться. Пытаюсь вспомнить, случались ли у нас крупные ссоры, скандалы, разногласия, но ничего. Моя память словно стёрла всё плохое и выдаёт мне только хорошие моменты: как мы с Лёшей обнимаемся и целуемся.

Влетаю в офис и бегу в свой кабинет.

– Олеся Александровна... – Моя секретарша Кристина, заметив меня, выскакивает из-за стола и бежит за мной. – Олеся Александровна, вам звонили по проекту...

– Плевать! – бросаю я на ходу. Распахиваю дверь и захожу в кабинет. – Потом, всё потом! Меня не беспокоить!

Захлопываю дверь прямо перед носом Кристины. Голова разрывается, воздуха не хватает. Прижимаю руки к груди и медленно подхожу к столу. Ноги подгибаются, и я без сил падаю на стул, обхватываю голову и начинаю плакать, вот только слёзы не текут, они застряли где-то внутри.

У меня сотни вопросов. Так хочется позвонить Лёше и задать их ему. А лучше вернуться в квартиру и разбить с криками и воплями какой-нибудь бесполезный сервис о его

голову. Так, я взрослая женщина! Я должна держать себя в руках... Но как держать себя в руках, когда об меня вытерли ноги? Столько лет прошло, и я всегда надеялась, что если Лёша вдруг разлюбит меня, то он придёт ко мне, и мы всё обсудим, искренне глядя друг другу в глаза.

А чего я ожидала? Мы так давно вместе. Глупо было надеяться, что всё останется по-прежнему. Но я всегда наивно думала, что мы особенные. Думала, что наши чувства не угаснут, а напротив, закалятся, станут прочными, как сталь.

На столе стоит пара фотографий в рамках: на одной – наша дочь, на другой – мы с мужем на отдыхе два года назад. Мне так нравится эта глупая фотография. Там мы улыбаемся, нарядившись в большие соломенные шляпы.

Мы с Лёшей через многое прошли вместе: общага с клопами и тараканами, комната в коммуналке, маленькая съёмная квартира. Мы не родились с золотыми ложками в зубах, нам всё приходилось выгрызать самим. Мы шли рука об руку, делали шаг за шагом. Помню, когда только родилась Полина, нам даже есть было нечего, но мы справились. Я вышла из декрета, едва дочери исполнилось полтора года, стала работать наравне с Лёшей, и со временем мы купили нашу первую квартиру. Ремонт делали своими руками, спали на полу, но были счастливы.

Я словно прячусь от происходящего в счастливых воспоминаниях. Не хочу быть здесь и сейчас, не хочу ощущать эту жгучую, душераздирающую боль.

Надо отвлечься! Срочно! Нужно чем-то занять себя, пока я окончательно не расклеилась. Беру сумочку, достаю косметичку. Сейчас смахну слёзы, поправлю макияж, приведу себя в порядок и продолжу жить как ни в чём не бывало! Это всего лишь мужчина... Мужчина, с которым я прожила двадцать лет! Как бы я ни пыталась подбодрить себя, всё рушится, и боевого настроения хватает лишь на несколько секунд.

Руки дрожат, но я достаю из косметички зеркальце. Начинаю аккуратно проводить кончиками пальцев под глазами, вытирая чёрные линии, и, кажется, впервые замечаю эти глубокие морщины. Как я раньше их не видела? Или они появились только сейчас? Уверена, что ещё вчера их не было. Глаза грустные, тусклые, серые, в них словно нет ни капли жизни.

Не хочу этого видеть!

Захлопываю зеркальце и кидаю его в сумку. Вздыхаю и откидываюсь на спинку кресла.

Муж ушёл от меня к девочке на двадцать лет моложе... Как унижительно. А она? О чём она только думала? Как посмела связаться с мужчиной на двадцать лет старше?! С отцом подруги! Да и Лёша не лучше! Даже думать о них противно, но мой разум ведёт меня дальше, не замечая границ, задаёт все новые и новые вопросы. Как долго они встречаются за моей спиной? Как это началось? Это просто мерзко... Присмотреть и возжелать девочку – ровесницу нашей дочери! Как по мне, это словно педофилия какая-то!

Вновь смотрю на нашу с Лёшей фотографию, и во мне вспыхивает гнев, перемешанный с отвращением. Махнув рукой, сшибаю фотографию, и она врезается в стену. Стекло разлетается на мелкие кусочки, осколки со звоном падают на пол.

– Олеся Александровна? – Дверь в кабинет тут же распахивается. Кристина в панике осматривается и замечает осколки на полу. – Я сейчас всё уберу.

Она исчезает на несколько секунд и возвращается с щёткой и совком. Я, замерев, смотрю в стену. Даже шевелиться не хочется. Что со мной происходит? Эмоции то стихают, то обрушиваются на меня шквалом. Меня бросает из стороны в сторону. Хочется бежать домой, пока Лёша не ушёл, и то ли закатить ему скандал, потребовать объяснений, а то ли попросить прощения и молить его остаться.

Как я теперь буду одна? Я же не умею... Я не знаю, что буду делать, когда вернусь в пустую квартиру.

Кристина аккуратно отряхивает фотографию от стекла и кладёт её на край стола. Кидаю косой взгляд на наши с мужем счастливые лица и качаю головой. Нет, сегодня домой я не вернусь. И работа, похоже, всё равно не пойдёт – нет смысла тут торчать. Беру сумку и встаю. Бросаю последний взгляд на фотографию, а затем выкидываю её в мусорку.

– Кристина, сегодня в офисе меня не будет, – подняв голову, произношу я. Меня всю трясёт, передёргивает. – Мне нужно...

А куда мне нужно? Я все дела отменила: думала, что уезжаю в командировку. Чёрт, завтра же ещё и в командировку...

– Ты билеты в этот раз правильно забронировала?

– Конечно, всё правильно! – весело отвечает Кристина.

Она прямо шаблонная секретарша, как из анекдота, но не я набираю штат, так что приходится мириться с ней. Да и привыкла я уже к ней.

– Ладно, – выдыхаю я. – У меня дела.

Выхожу из кабинета, на ходу набирая мамин номер. У кого искать поддержки в такой ситуации, как не у родной мамочки? Сколько бы нам ни было лет, а прижаться к груди мамы и поплакать всегда приятно и иногда очень нужно.

– Мам, ты дома?

– Да, милая. Что-то случилось?

Она сразу что-то почувствовала, хотя мой голос вроде бы звучит ровно. Я специально звоню на ходу, чтобы не поддаться эмоциям и не заплакать раньше времени.

– Нет, ничего. Я скоро буду, жди.

– Но ты же...

Не даю ей закончить и скидываю вызов.

Мне нужно отвлечься. Не хочу выслушивать слова поддержки или обсуждать, какой мой муж козёл, мне просто необходимо сейчас прекратить думать о том, что происходит с моей жизнью, чтобы не натворить глупостей. Даже не хочу касаться в разговоре с мамой этих событий. Лёша собрал

вещи и ушёл, а мне расхлёбывать всё остальное. В том числе сообщать родным о нашем расставании. Надеюсь, он хотя бы наберётся смелости и расскажет всё сам нашей дочери.

И вообще, пока реальность кажется каким-то сном. Вот я сейчас проснусь, а Лёша рядом лежит.

По дороге забегаю в магазин, покупаю всякие продукты.

– Ну куда ты столько набрала? – Мама качает головой, берёт пакеты и уходит на кухню, пока я раздеваюсь в прихожей.
– Я ведь одна живу.

– Ой, мам, – выдыхаю я. – Там только овощи и фрукты.

– Ну ещё и всё импортное. Ой! – Мама продолжает недовольно качать головой. Я-то знаю, что ей приятна моя забота, но такой уж у неё характер: не может она просто сказать «спасибо». – Только деньги зря тратишь! Куда мне всё это?

– Ну не съешь – выкинешь.

– Больно богатые стали – продукты выкидывать!

Улыбаюсь и обнимаю маму за плечи.

– Ты витамины, что я привезла, принимаешь? Как у тебя давление?

– Ой, да всё у меня отлично! – отмахивается мама. – Ещё всех вас переживу, а этой дряни мне не надо.

– Мама!

– Ну что? – Она с гордым видом берёт чайник и наливает две чашки чая. Сажусь за стол, и мама подвигает одну чашку мне. – А ты чего пришла? Ты ведь вроде в командировку собиралась? Или случилось чего? Лёша как?

– Да всё нормально. – Кручу в руках чашку, не поднимая глаз.

– Что-то незаметно. – Мама смотрит на меня, наклонив голову.

– Да по работе... Секретарша всё напутала, а меня, как всегда, крайней делают. Домой пришла раньше времени...

Делаю глубокий вдох. Как-то всё само собой подвелось к этому. Нет, не нужно торопить события, не буду пока ничего рассказывать. Встаю и делаю круг по кухне, пытаюсь успокоиться.

– И? – Мама поднимает брови. – Что, Лёша любовницу притащил?

Встаю, как вкопанная, и смотрю на маму. Она так это сказала, словно это нормально! Любовница в супружеской постели – что тут такого удивительного? Да если бы я такое застала... То, наверное, без жертв бы точно не обошлось.

– Нет!

Меня передёргивает. Хорошо хоть Лёша додумался не водить её к нам домой. Хотя... Ведь где-то у них произошёл первый раз.

– А что ты вся как на иголках? Может, это тебе нужно попить твои хваленые таблеточки?

– Лёша собирает вещи, чтобы уйти к малолетке! – вырывается у меня.

– Что? – Мама недоверчиво посмеивается.

– Любовница у Лёши – вот что! Ровесница нашей с ним

дочери! Нет, ты представляешь! Ей лет как моей Полине!

Мама усмехается и делает глоток чая. Она совершенно спокойна, и меня это так возмущает, что я даже задыхаться начинаю.

– Ты меня вообще слышишь?!

– Ну, а что ты хотела? Я тебе сто раз говорила, что мужику надо семью, тепло, любовь и нежность. А ты на работу поскакала, да ещё и начальницей стала. Думаешь, как себя Лёша чувствовал? Вот и нашёл себе отдушину в любовнице. – Мама встаёт и обнимает меня за плечи. – Ну ничего, побеждает да прибежит обратно.

– Что?! Ты... Ты... – Я заикаюсь. Отступаю от мамы и смотрю ей в глаза. Как она может говорить такое?! – А жили бы мы на что? Зарплаты Лёши едва хватало, чтобы квартиру оплатить! А у нас ребёнок! Я должна была работать! И вообще, это тут при чём? Я работала для нас, чтобы мы могли позволить себе больше!

– Глупая ты. – Мама недовольно качает головой. – Да какой мужик потерпит, что его жена зарабатывает больше, чем он? Не переживай ты так, у мужиков такое бывает. Седина в бороду – бес в ребро. Побесится да прибежит обратно. А ты в следующий раз будь мудрей – пригрей да приласкай!

– Кого?

– Ну, Лёшу. – Мама усмехается. – Развлечётся и приползёт. Ты что, думаешь, молодая девка сможет его удержать? Да мужики же как собаки: вкусно поели да домой на старую

тряпку бегут.

– Это я старая тряпка?!

– Ну... я не это хотела сказать. Что ты к словам придираешься? Да и потом, ты ведь тоже не молодая девочка, а мужики, знаешь ли, на дороге просто так не валяются. Ты же не собираешь свой век коротать одна? Мне вот, как отчим твой умер, совсем невесело стало. Ты меня не навещаешь почти. Вот когда только что-то случится. И то прибегаешь на пять минут. Поля вообще звонит раз в месяц. Осталась я одна и никому не нужна.

– Мама, я приезжаю, когда могу. У меня работа, дом...

Чуть не добавила «семья», но какая уж там семья. Муж гуляет, дочь дома не появляется, почти живет у своего парня. Похоже, я действительно останусь одна, но лучше уж так, чем жить с изменником, который готов втихаря собрать вещи и сбежать.

Вздыхаю и качаю головой: поддержки от мамы мне явно не видать.

– Леся, ну я ведь о тебе думаю. Ну, погуляет Лёша и вернётся, а ты будь понежней к нему, приласкай да приголубь.

До этого момента я понятия не имела, что буду делать дальше, но теперь всё прояснилось. Я просто не смогу жить с человеком после такого. Не хочу!

– Нет уж, мама, – уверенно говорю я. – Я не позволю ему бегать ко мне, когда удобно. Я себя не на помойке нашла! Мне такой мужчина не нужен!

– Да послушай ты...

– Нет, мама, – обрываю её я. – Если Лёшу что-то не устраивало, он мог прийти и поговорить со мной...

– Да ты всё время на работе, когда с тобой разговаривать? Домой никакая приходишь, лишь бы до кровати доползти.

Вот когда маме удобно, так она сразу вспоминает, как я устаю.

– Мы жили в одной квартире, ложились в одну кровать. Уж можно было найти минутку!

– Совсем ты мужчин не понимаешь...

Смотрю на маму большими глазами. Я не хотела рассказывать ей о произошедшем, чтобы не беспокоить её, думала, что она разнервничается, будет переживать из-за меня, а в результате услышала упрёки и обвинения.

Мы с мамой никогда не были близки. Я всегда завидовала подругам, которые, случись что плохое, сразу бежали к мамам плакаться. Мне же всё время приходилось решать свои проблемы самой – моей маме было не до меня. Но хоть сейчас можно обойтись без нравоучений? Ей что, так сложно понять, что мне больно? Как бы я ни хотела выглядеть сильной и уверенной, Лёша был мужчиной моей жизни. Я даже мысли не допускала, что он способен так поступить со мной.

Уверена, что справлюсь с этим, что переживу этот удар и буду счастливо идти дальше по жизни, но сейчас я хочу побыть маленькой девочкой, дать волю своим эмоциям и просто поплакать, пока родной человек будет гладить по голове и говорить, что всё хорошо.

– Мама, ну неужели так сложно поддержать меня в такой момент? К чему все эти обвинения? Ты делаешь мне только больней!

– Может, хоть в сорок лет глаза откроются! – Мама кажется не пробиваемой. Даже слёзы, стоящие в моих глазах, нисколько её не задевают. – Такого мужика упустила. Лёша

и по дому всё делал, и зарабатывал хорошо. Была бы чуть помягче, жили бы да жили ещё.

В душе словно что-то обрывается. Мягче? А как тут станешь миленькой куколкой, когда с детства только и слышишь: «Не ной». «Разбирайся сама». «Твои проблемы, ты и решай». «Я что, должна тебе сопلي подтирать каждый раз?» Как стать правильной в понимании мамы женщиной, если муж зарабатывает кое-как, а его проекты рушатся один за другим? Мне приходилось работать, сидя с ребёнком, да ещё и мужу помогать построить его бизнес! Я просто не могла себе позволить быть слабой!

– А я ведь такая, какой меня хотела видеть ты, – произношу я, опустив голову.

Мне стыдно за такие слова, но в этот момент я словно прозреваю. Все вокруг хотели видеть меня сильной, смелой, решительной, пока это было удобно им, а теперь это вдруг стало неправильным.

– Ты растила не женщину, а бойца. Я не обвиняю тебя ни в чём, я благодарна тебе за это. – Поднимаю голову и смотрю маме в глаза. У неё рот открыт от удивления. Видимо, она поражена и обескуражена моим поведением. Я уважаю свою маму и очень её люблю, поэтому раньше никогда не позволяла себе высказать ей нечто подобное. – Возможно, только благодаря тебе я сумею это пережить. И вновь обрету счастье.

Быстро надеваю туфли, открываю дверь и выхожу в подь-

езд. Слёзы тут же прорываются и крупными каплями падают мне на грудь.

– Леся! – кричит мне вслед мама, высунувшись из квартиры. – Да вернётся твой Лёша! Вот увидишь!

Не хочу показывать ей свои слёзы – с детства научена, что плакать нельзя. Минуя лифт, выбегаю на лестницу. Из-за слёз всё смазано, но я быстро перебираю ногами по бетонным ступеням.

Я всегда думала, что управляю своей жизнью, что меня любят такой, какая я есть, а оказалось, что я все сорок лет просто была удобной. Мама могла хвастаться перед подругами, как хорошо устроилась её дочь: и муж, и работа, и дом – полная чаша, всегда помогаю, квартиру ей купила, дачу, путёвки на море покупаю. Но кто я для неё без мужа? Маме очень важно, чтобы я была не одна. Сама она родила меня от женатого, и все косо на неё смотрели. Она очень хотела, чтобы я избежала её судьбы, чтобы у меня была крепкая семья. Для неё это – главный показатель успешности.

Для мужа я была надёжной опорой, его бизнес совсем недавно стал приносить хорошие деньги. Всего пять лет как он обзавёлся серьёзными знакомствами и стал зарабатывать больше меня. А сколько лет он мне изменяет? Что ж, теперь он крепко стоит на ногах, и, видимо, я ему больше не нужна. Зачем рядом старая жена, когда можно завести молодую любовницу и дурить ей голову, как вздумается? Хотя и я была не особо умной, раз не замечала ничего вокруг.

Вспоминаю, как приходила домой, а дома Лёша и эта... Ангела. Лёша якобы чуть пораньше пришёл с работы, а Ангела якобы ждёт, когда вернётся Полина. И ведь это было не один раз. То Ангеле ночевать негде, и она к нам напросится, то поздно уже, и Лёша должен отвезти её домой. Так и хочется себе по лбу зарядить! Как я не заподозрила неладное?

Моя жизнь рушится по кирпичикам. Я жила в иллюзии, которую сама же себе создала! На полной скорости несусь домой, нарушаю всевозможные правила, машины сигналият, но мне плевать. Внутри такая сильная ярость. Мне хочется сжечь квартиру, уничтожить всё, что связано с прошлым! Чтобы ничего не осталось!

Кровь в венах кипит. Врываюсь в квартиру, тяжело дыша, панически оглядываюсь, прохожу в комнаты, даже не снимая обувь.

Как сильно стучит сердце! Распахнув дверцы гардеробной, вижу осиротевшие плечики и пустые полки, где когда-то лежали вещи Лёши. На душе становится так горько. Ужасно больно видеть, что его одежды нет, из меня словно вытащили душу.

Хочется расплакаться, но нельзя давать волю эмоциям. Сжимаю кулаки и усилием воли распаляю в себе гнев, который начал было утихать. Влетаю в гардеробную, хватаю одинокую рубашку, висящую в углу. У меня происходит какое-то помутнение. Разрываю рубашку на мелкие лоскуты, хватаю какую-то футболку, затем следующую. Вот только об-

легчение не наступает, наоборот, мне становится всё тяжелее дышать, слёзы душат, силы медленно покидают меня, а гнев стихает. Мне становится так жалко себя. Падаю на колени, и у меня вырывается какой-то неестественный вой. Кричу и, свернувшись калачиком на полу, плачу навзрыд. Что мне теперь делать? Как жить дальше? Внутри так больно, что, кажется, моё сердце сейчас не выдержит и разорвётся на части.

Не знаю, сколько я так валяюсь. Вскоре слёзы высыхают, а я всё лежу на полу и всхлипываю, глядя в одну точку. В голове пустота. Я словно не жива и нахожусь в каком-то другом пространстве...

Звонок в дверь. Я в одно мгновение подскакиваю в испуге. Озираюсь по сторонам. А если это Лёша пришёл? Что я скажу, как объясню этот бардак? Стыд-то какой...

Но что ему тут делать? Зажмуриваюсь и мотаю головой. Если бы это вернулся муж, он открыл бы дверь своим ключом... Стоило мне подумать об этом, как слышится скрежет ключей в замке.

В панике запикиваю тряпки в гардеробную, закрываю дверь и выскакиваю в коридор. Дыхание сбито, я с замершим сердцем смотрю на дверь, пока она медленно открывается. Какое оправдание придумать моему поступку? Взрослая женщина, а поддалась эмоциональному порыву... Хотя, с другой стороны, почему я должна терпеть чужие вещи в своём доме? Раз ушёл, надо было все пожитки забирать! Гордо выпрямляю спину, упираю руки в бёдра. Лучшая защита

– это нападение. И ключи пусть отдаст.

Но тут в квартиру входит Полина, и я выдыхаю. Какое облегчение.

– О! Мам, ты дома? – Дочь удивлённо поднимает брови и растерянно улыбается. – А чего тогда не открыла?

– Да... это... занята была.

Не ожидала увидеть дочь. Как я должна вести себя, что говорить? Вывалить на неё всё с порога? Рассказать, какой папаша козлина – спит с её подругой? Нет, не хочу говорить дочери об этом. Лёша заварил эту кашу – пусть сам и расхлёбывает.

– Смотри, что купила. – Полина кидает пакеты на пол, с энтузиазмом достаёт из одного голубое платье и прикладывает к себе. – Ну как? Мы с Анжелкой ходили по магазинам...

Как только я слышу это имя, перед глазами всё темнеет, и меня ведёт в сторону. Упираюсь рукой в стену, чтобы устоять на месте.

– Мам? Что с тобой?

Качаю головой, часто дышу через рот. Всё тело покрывается испариной. Полина берёт меня под руку и ведёт в спальню, помогает лечь в постель.

– Да всё со мной хорошо. – Пытаюсь встать, но сил нет и голова гудит.

Полина осматривается по сторонам. Морщится, заметив разбросанные повсюду нитки.

– Давай померим тебе давление. – Она подходит к столу, достаёт из ящика тонометр, но вдруг замирает. Затем поворачивается ко мне, держа в руках какие-то бумаги. – Что это?

Смотрю на дочь и сама не понимаю, что она держит в руках. А затем в голове щёлкает, и я вспоминаю слова Лёши о том, что документы на развод лежат на столе.

– А, это... – Я встаю с кровати и подхожу к Полине. Боль отходит на задний план, даже силы появляются. – Какие-то папины документы.

Выхватываю бумаги из рук Полины и кладу обратно на стол, перевернув их текстом вниз. Ещё раз рассказывать всё... я просто не выдержу! Только не сейчас!

– Мама. – Полина строго смотрит на меня, а я пытаюсь улыбнуться. Меня всю трясёт. Нужно вывести дочь отсюда.

– Может, чай...

– Это документы на развод. Вы что, разводитесь с папой? – Губы дочери дрожат, она тяжело дышит.

– Ну, понимаешь... – Да я сама ничего не понимаю сейчас. Как я это дочери объясню? – Мы с твоим папой уже давно вместе и... Ну...

– Вы разводитесь?

– Да, мы разводимся, – произношу я и поджимаю губы. Ощущение, словно я сама себя облила грязью.

Глаза дочери расширяются, она открывает рот и тут же закрывает его, качает головой.

– У меня же свадьба. – Из глаз Полины катятся крупные

слёзы. Она разворачивается и хватается бумаги. — Что я скажу Ване? Что... Вы что, другого времени не могли найти?! — вопит дочь.

В шоке смотрю на неё. То есть она переживает не за меня, а за свою свадьбу? Полина начинает ходить кругами, размахивая документами.

— Я всегда говорила Ване, что хочу семью, как у моих родителей! Ставила вас в пример! Мама! Так ведь нельзя! Вы с ума сошли? Зачем вы так поступаете со мной?!

— Полин, ну всякое бывает. Все мы люди. Это не конец света. Твой отец так решил.

— Он так решил? — усмехается дочь. — А ты что сделала? Ты что, не могла его остановить? Почему ты не объяснила ему, что сейчас нельзя разводиться? Ты... Ты вообще ни о ком, кроме себя, не думаешь!

Полина швыряет документы на кровать и достаёт из кармана джинсов телефон. Её руки дрожат. Она набирает номер и прикладывает телефон к уху.

Я замираю. Что мне делать? Не ожидала такой реакции от дочери.

— Кому ты звонишь?

— Папе!

Вздыхаю и с улыбкой смотрю на дочь.

– Со мной всё хорошо. – И ведь говорю вполне искренне. Подхожу к Полине и протягиваю руки, чтобы обнять её. – Ты сама как? Я понимаю, так сложно...

– Сложно? – Полина усмехается и отходит от меня. Ни следа не осталось от той ранимой девочки, что совсем недавно рыдала у меня на плече. – Папа с тобой не разведётся! – Она смотрит серьёзно.

– Что? – Меня удивляет её поведение. Она не поняла, что произошло? – Твой отец мне изменил! С твоей подругой. Ты уже забыла об этом?

– Нет, но всё ещё считаю, что это не повод разводиться прямо перед моей свадьбой. Скоро приезжают родители Вани. Они двадцать лет в браке, так же, как и вы. Это очень обеспеченная и уважаемая семья, и они не захотят видеть в невестках дочь разведённых родителей.

– Ты шутишь? Какое отношение к тебе имеют твои родители? Если у нас с твоим отцом что-то не получилось, то при чём здесь ты? Думаю, не будет никаких проблем. Они взрослые люди, хорошо к тебе относятся и должны всё понять.

– Нет! Это даже не обсуждается! Сейчас приедет отец, мы всё спокойно обсудим и решим ваши разногласия. И вы вновь будете счастливой семьёй.

– Полина! Твой отец спит с другой...

Запинаюсь. Не знаю, как назвать Анжелу. Она для меня ещё ребёнок, и у меня язык не поворачивается окрестить её женщиной или даже девушкой.

– Я не хочу находиться рядом с твоим отцом. Он предал меня. Не знаю, сколько он мне врал и что они творили в нашей постели...

Поворачиваюсь и брезгливо смотрю на кровать. Нужно срочно заказать новую. Это первое, что я сделаю, когда вернусь из командировки.

Голова начинает гудеть, дышать становится тяжело. Мне мерзко находиться в собственной квартире.

– Неужели ты не можешь пойти на небольшие жертвы ради меня? Переступи через себя хоть раз, ничего с тобой не случится!

Я ошарашенно смотрю на дочь. Кажется, я её вообще не знаю.

– Полина...

Меня прерывает звук открывающейся входной двери. Дочь вздрагивает.

– Вот и папа. Отлично! – Улыбнувшись, она выходит из комнаты.

У меня руки начинают дрожать. Если я сейчас увижу Лёшу, то не знаю, что с ним сделаю. Он – последний человек, кого я бы хотела видеть в ближайшие лет сто!

Слышу голоса мужа и Полины в коридоре. Быстро приби-

раю последствия моей истерики, сметаю всё в гардеробную и, чтобы хоть чем-то себя занять, беру документы на развод. Столько лет вместе, и вот она, эта бумага, которая разделит мою жизнь на «до» и «после». Мельком пробегаю текст. Удивительно, что Лёша так хорошо всё подготовил: обычно мне приходилось проверять за ним все договоры миллион раз.

Но тут мне становится мерзко. Лёша собрался делить наше имущество пополам. Перечислил всё по пунктам, отметил, где сколько денег, даже машину, которую сам же мне подарил, включил в этот список. Хорошо, хоть не добрался до украшений. Он собрался поделить всё, кроме своего бизнеса, в который я, между прочим, вложила столько сил!

Да и счета что-то заметно опустели.

– Мам! Иди сюда! – Замираю, услышав голос дочери.

Такое состояние паршивое, даже тошнить начинает. Хочешь создать новую семью, так и иди туда с тем, с чего начал. Нашу квартиру придётся продавать, а я так старалась, обставляя и украшая её. И расположение её мне нравится. Купить квартиру меньшей площади в нашем доме просто нереально, а остатки на счетах не покроют половину стоимости, и мне придётся попрощаться с ней.

– Мам, ты что, не слышишь? – Полина заглядывает в комнату.

– Полин, может, вы как-то сами? Голова гудит от мыслей о том, через что нам предстоит пройти.

– Перестань! Это наша семья, и мы должны поговорить

все вместе. — Дочь подходит и кладёт руку мне на плечо.

Выдыхаю, сжимаю кулаки, смотрю на стену. Ремонт ведь совсем новый. Я с этими обоями носилась трое суток, нужный цвет подбирала, каждый шаг бригады контролировала. Даже думать не хочется, что мне придётся проходить через это всё заново. Столько головной боли из-за этого развода. А если так хорошенько подумать, то бóльшую часть стоимости квартиры выплатила я! Да ещё эти пропавшие деньги... нужно взять выписку и проверить, какие суммы и когда Лёша списал. Наверняка потратил на свою молодую любовницу.

— Наша семья... — задумчиво повторяю я.

Хватаю заявление, обхожу дочь и решительно направляюсь в гостиную. Распахиваю дверь в комнату. Лёша сидит в кресле, закинув ногу на ногу, и нервно постукивает пальцами по колену.

— А ты ничего не попутал?

— Что? — Лёша поднимается с кресла и хмурит брови. Такой холодный и равнодушный взгляд, а на губах — лёгкая усмешка.

— Мама! — Полина врывается в гостиную следом за мной.

— Ты хочешь продать нашу квартиру? Совсем с ума сошёл со своей новой любовью? Ладно, пусть ты меня бросаешь, но забирать всё у нашей дочери... Что, молодая любовница не хочет принимать тебя без денег? Да ты спустишь всё на неё уже через месяц!

— Я ничего не забираю. Полина — и моя дочь. Мы с тобой

поделим всё поровну и разойдёмся, как цивилизованные люди.

– Папа? – Полина непонимающе смотрит на отца. – Это... Это правда?

– Цивилизованные люди? – фыркаю я. – Я ещё не проверяла, сколько денег пропало со счётов, но в заявлении явно указана сумма меньше, чем была месяц назад.

– Мне потребовались деньги на ведение бизнеса...

– Кого ты пытаешься обмануть? Я встречаюсь с твоим бухгалтером каждый квартал, проверяю отчётность! Если бы у бизнеса были проблемы, она бы связалась со мной!

– Не все вопросы решаются официально. И вообще, это наши общие деньги, и я не обязан отчитываться за свои расходы. Ты тоже могла вчера купить себе очередную побрякушку, и я бы ни слова не сказал.

– Да ты... – Я замахииваюсь заявлением на Лёшу, но тут между нами встаёт Полина, выставив руки в разные стороны.

– Хватит! – кричит она, переводя взгляд с меня на Лёшу и обратно. – Что вы тут устроили?

– Твоя мать сошла с ума!

– Это я-то сошла с ума?! – От возмущения у меня даже вырывается смешок. – Я не сплю с ровесниками нашей дочери и не собираюсь, как ты сказал, всё делить поровну.

– Мама, успокойся!

– А что не так? – холодно замечает Лёша. – Это ведь нормально – разделить всё по закону.

– А ничего, что ты даришь подарки своей любовнице на наши общие деньги? Может, мы и её позовём? Посчитаем, сколько ты на неё потратил, и поделим её подарки?

– Это мои деньги! Я тратил только то, что сам заработал!

– Сам заработал? – Мне становится смешно. Когда Лёша ничего не зарабатывал, у нас почему-то не было разделения на «его» и «мои» деньги. – Да твой бизнес функционирует только благодаря мне!

– Не преувеличивай! Это мой бизнес, я сам его создал, и ты здесь ни при чём.

– Что же ты его не вписал в раздел имущества?

– Что? Ты... Ты... – Лёша начинает морщиться. – Ты такая мелочная.

– Это я мелочная? Я не хочу подарить всё какой-то малолетке, которая оберёт тебя до нитки и найдёт себе молодого мужчину. А ты отдашь ей всё и даже дочери ничего не оставишь!

– Мы с Анжелой любим друг друга!

– ХВАТИТ! – вопит Полина, и я вздрагиваю. – Вы ведёте себя просто ужасно! Такое ощущение, что вы убить друг друга готовы.

Мне становится стыдно, что я устроила скандал прямо у дочери на глазах. Отворачиваюсь, тру лоб, чтобы успокоиться. Нужно было решать всё это один на один с мужем... Хотя... тогда мы бы точно поубивали друг друга.

– Твоя мать сошла с ума, она невменяемая! – кричит Лё-

ша. – Всю жизнь думала только о деньгах! А у меня чувства, понимаешь, Поля? Я нормальный мужчина, и мне нужны чувства и эмоции. А твоя мать – настоящий сухарь!

– Это я сухарь?

Резко разворачиваюсь и подаюсь вперёд, но Полина останавливает меня.

– Мама, папа, да успокойтесь вы!

– Ты это матери своей скажи. Я абсолютно спокоен.

– Мама? – Полина строго смотрит на меня.

Я выдыхаю, вновь отворачиваюсь. Нельзя устраивать разборки перед дочерью, но во мне кипит такая сильная злость, что сейчас я готова разорвать Лёшу.

– Ладно, ладно. – Я выставляю руки перед собой, делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю через рот. Поворачиваю голову и смотрю на Лёшу. – Позже поговорим.

Я это так не оставлю. Нам предстоят большие расходы на свадьбу дочери. И возможно, после свадьбы она и не будет ни в чём нуждаться, но я хочу создать для неё подушку безопасности. Кто знает, как жизнь повернётся.

Сажусь на диван, упираюсь локтями в колени и закрываю лицо ладонями. Слышу, как Лёша садится обратно в кресло.

– Отлично. Все успокоились, и мы можем поговорить, – довольно произносит Полина. – Папа, это правда, что ты хочешь поделить квартиру?

– Ну, а что такого? Мы вместе на неё заработали и вместе купили.

Я пытаюсь подавить в себе желание прокомментировать слова ещё пока мужа. Убираю ладони от лица и сжимаю их в кулаки, стискиваю зубы.

– Но это неправильно! – возмущается Полина. – Это и мой дом тоже! Ты хочешь лишить меня дома?

– Ты уже взрослая и должна жить своей жизнью. Но, если хочешь, я куплю тебе другую квартиру.

Я удивлённо смотрю на Лёшу. Может, не всё потеряно?

Полина тяжело вздыхает и выпрямляется.

– Это, конечно, решение. Но! – Она строго смотрит на меня, а затем на отца. – Вы не можете так поступить со мной прямо перед свадьбой.

Мы с Лёшей непонимающе переглядываемся.

– Полина, солнце моё, – мягко произносит Лёша. Он встаёт и медленно подходит к дочери. – Мы с твоей мамой больше не любим друг друга, мы давно чужие люди, а нам уже обоим за сорок. И понимаешь, мы бы хотели стать счастливыми, пока это не поздно.

Я ведь и правда думала, что мы счастливы. Но Лёша так красиво говорит. Я даже начинаю верить, что он и в самом деле влюблён в эту Анжелу. Вот только в искренности чувств двадцатилетней девчонки я сильно сомневаюсь.

Давно чужие... Не считая прошлой ночи, когда мы были очень близки. И каково сейчас Лёше? Он же спал вчера с чужим человеком. Даже жалко его.

– И как давно вы чужие люди?

Дочь прямо читает мои мысли. Лёша бросает на меня мимолётный взгляд, в котором стоит мольба о помощи. Ну нет, сам эту кашу заварил, сам и расхлёбывай. Откидываюсь на спинку дивана, скрещиваю руки на груди и закидываю ногу на ногу.

– Достаточно давно, – неуверенно говорит муж, так и не дождавшись от меня поддержки.

– Знаешь, папа, а я как-то и не замечала, что вы чужие люди, – саркастически произносит Полина. – Значит, потерпите друг друга ещё месяц. Послезавтра прилетают родители Вани, и вы будете вести себя, как приличная семья! А после моей свадьбы можете хоть поубивать друг друга.

– Что?! – в один голос выдыхаем мы с Лёшей. Я вскакиваю с дивана.

– Пока я не выйду замуж, вы должны вести себя, как настоящая семья! Делайте, что хотите, но если моя свадьба сорвётся из-за вашего развода, я вам этого не прощу! Для родителей Вани очень важно, чтобы девушка была из полной и порядочной семьи.

Вздыхаю и с улыбкой смотрю на дочь.

– Со мной всё хорошо. – И ведь говорю вполне искренне. Подхожу к Полине и протягиваю руки, чтобы обнять её. – Ты сама как? Я понимаю, так сложно...

– Сложно? – Полина усмехается и отходит от меня. Ни следа не осталось от той ранимой девочки, что совсем недавно рыдала у меня на плече. – Папа с тобой не разведётся! – Она смотрит серьёзно.

– Что? – Меня удивляет её поведение. Она не поняла, что произошло? – Твой отец мне изменил! С твоей подругой. Ты уже забыла об этом?

– Нет, но всё ещё считаю, что это не повод разводиться прямо перед моей свадьбой. Скоро приезжают родители Вани. Они двадцать лет в браке, так же, как и вы. Это очень обеспеченная и уважаемая семья, и они не захотят видеть в невестках дочь разведённых родителей.

– Ты шутишь? Какое отношение к тебе имеют твои родители? Если у нас с твоим отцом что-то не получилось, то при чём здесь ты? Думаю, не будет никаких проблем. Они взрослые люди, хорошо к тебе относятся и должны всё понять.

– Нет! Это даже не обсуждается! Сейчас приедет отец, мы всё спокойно обсудим и решим ваши разногласия. И вы вновь будете счастливой семьёй.

– Полина! Твой отец спит с другой...

Запинаюсь. Не знаю, как назвать Анжелу. Она для меня ещё ребёнок, и у меня язык не поворачивается окрестить её женщиной или даже девушкой.

– Я не хочу находиться рядом с твоим отцом. Он предал меня. Не знаю, сколько он мне врал и что они творили в нашей постели...

Поворачиваюсь и брезгливо смотрю на кровать. Нужно срочно заказать новую. Это первое, что я сделаю, когда вернусь из командировки.

Голова начинает гудеть, дышать становится тяжело. Мне мерзко находиться в собственной квартире.

– Неужели ты не можешь пойти на небольшие жертвы ради меня? Переступи через себя хоть раз, ничего с тобой не случится!

Я ошарашенно смотрю на дочь. Кажется, я её вообще не знаю.

– Полина...

Меня прерывает звук открывающейся входной двери. Дочь вздрагивает.

– Вот и папа. Отлично! – Улыбнувшись, она выходит из комнаты.

У меня руки начинают дрожать. Если я сейчас увижу Лёшу, то не знаю, что с ним сделаю. Он – последний человек, кого я бы хотела видеть в ближайшие лет сто!

Слышу голоса мужа и Полины в коридоре. Быстро приби-

раю последствия моей истерики, сметаю всё в гардеробную и, чтобы хоть чем-то себя занять, беру документы на развод. Столько лет вместе, и вот она, эта бумага, которая разделит мою жизнь на «до» и «после». Мельком пробегаю текст. Удивительно, что Лёша так хорошо всё подготовил: обычно мне приходилось проверять за ним все договоры миллион раз.

Но тут мне становится мерзко. Лёша собрался делить наше имущество пополам. Перечислил всё по пунктам, отметил, где сколько денег, даже машину, которую сам же мне подарил, включил в этот список. Хорошо, хоть не добрался до украшений. Он собрался поделить всё, кроме своего бизнеса, в который я, между прочим, вложила столько сил!

Да и счета что-то заметно опустели.

– Мам! Иди сюда! – Замираю, услышав голос дочери.

Такое состояние паршивое, даже тошнить начинает. Хочешь создать новую семью, так и иди туда с тем, с чего начал. Нашу квартиру придётся продавать, а я так старалась, обставляя и украшая её. И расположение её мне нравится. Купить квартиру меньшей площади в нашем доме просто нереально, а остатки на счетах не покроют половину стоимости, и мне придётся попрощаться с ней.

– Мам, ты что, не слышишь? – Полина заглядывает в комнату.

– Полин, может, вы как-то сами? Голова гудит от мыслей о том, через что нам предстоит пройти.

– Перестань! Это наша семья, и мы должны поговорить

все вместе. — Дочь подходит и кладёт руку мне на плечо.

Выдыхаю, сжимаю кулаки, смотрю на стену. Ремонт ведь совсем новый. Я с этими обоями носилась трое суток, нужный цвет подбирала, каждый шаг бригады контролировала. Даже думать не хочется, что мне придётся проходить через это всё заново. Столько головной боли из-за этого развода. А если так хорошенько подумать, то большую часть стоимости квартиры выплатила я! Да ещё эти пропавшие деньги... нужно взять выписку и проверить, какие суммы и когда Лёша списал. Наверняка потратил на свою молодую любовницу.

— Наша семья... — задумчиво повторяю я.

Хватаю заявление, обхожу дочь и решительно направляюсь в гостиную. Распахиваю дверь в комнату. Лёша сидит в кресле, закинув ногу на ногу, и нервно постукивает пальцами по колену.

— А ты ничего не попутал?

— Что? — Лёша поднимается с кресла и хмурит брови. Такой холодный и равнодушный взгляд, а на губах — лёгкая усмешка.

— Мама! — Полина врывается в гостиную следом за мной.

— Ты хочешь продать нашу квартиру? Совсем с ума сошёл со своей новой любовью? Ладно, пусть ты меня бросаешь, но забирать всё у нашей дочери... Что, молодая любовница не хочет принимать тебя без денег? Да ты спустишь всё на неё уже через месяц!

— Я ничего не забираю. Полина — и моя дочь. Мы с тобой

поделим всё поровну и разойдёмся, как цивилизованные люди.

– Папа? – Полина непонимающе смотрит на отца. – Это... Это правда?

– Цивилизованные люди? – фыркаю я. – Я ещё не проверяла, сколько денег пропало со счётов, но в заявлении явно указана сумма меньше, чем была месяц назад.

– Мне потребовались деньги на ведение бизнеса...

– Кого ты пытаешься обмануть? Я встречаюсь с твоим бухгалтером каждый квартал, проверяю отчётность! Если бы у бизнеса были проблемы, она бы связалась со мной!

– Не все вопросы решаются официально. И вообще, это наши общие деньги, и я не обязан отчитываться за свои расходы. Ты тоже могла вчера купить себе очередную побрякушку, и я бы ни слова не сказал.

– Да ты... – Я замахииваюсь заявлением на Лёшу, но тут между нами встаёт Полина, выставив руки в разные стороны.

– Хватит! – кричит она, переводя взгляд с меня на Лёшу и обратно. – Что вы тут устроили?

– Твоя мать сошла с ума!

– Это я-то сошла с ума?! – От возмущения у меня даже вырывается смешок. – Я не сплю с ровесниками нашей дочери и не собираюсь, как ты сказал, всё делить поровну.

– Мама, успокойся!

– А что не так? – холодно замечает Лёша. – Это ведь нормально – разделить всё по закону.

– А ничего, что ты даришь подарки своей любовнице на наши общие деньги? Может, мы и её позовём? Посчитаем, сколько ты на неё потратил, и поделим её подарки?

– Это мои деньги! Я тратил только то, что сам заработал!

– Сам заработал? – Мне становится смешно. Когда Лёша ничего не зарабатывал, у нас почему-то не было разделения на «его» и «мои» деньги. – Да твой бизнес функционирует только благодаря мне!

– Не преувеличивай! Это мой бизнес, я сам его создал, и ты здесь ни при чём.

– Что же ты его не вписал в раздел имущества?

– Что? Ты... Ты... – Лёша начинает морщиться. – Ты такая мелочная.

– Это я мелочная? Я не хочу подарить всё какой-то малолетке, которая оберёт тебя до нитки и найдёт себе молодого мужчину. А ты отдашь ей всё и даже дочери ничего не оставишь!

– Мы с Анжелой любим друг друга!

– ХВАТИТ! – вопит Полина, и я вздрагиваю. – Вы ведёте себя просто ужасно! Такое ощущение, что вы убить друг друга готовы.

Мне становится стыдно, что я устроила скандал прямо у дочери на глазах. Отворачиваюсь, тру лоб, чтобы успокоиться. Нужно было решать всё это один на один с мужем... Хотя... тогда мы бы точно поубивали друг друга.

– Твоя мать сошла с ума, она невменяемая! – кричит Лё-

ша. – Всю жизнь думала только о деньгах! А у меня чувства, понимаешь, Поля? Я нормальный мужчина, и мне нужны чувства и эмоции. А твоя мать – настоящий сухарь!

– Это я сухарь?

Резко разворачиваюсь и подаюсь вперёд, но Полина останавливает меня.

– Мама, папа, да успокойтесь вы!

– Ты это матери своей скажи. Я абсолютно спокоен.

– Мама? – Полина строго смотрит на меня.

Я выдыхаю, вновь отворачиваюсь. Нельзя устраивать разборки перед дочерью, но во мне кипит такая сильная злость, что сейчас я готова разорвать Лёшу.

– Ладно, ладно. – Я выставляю руки перед собой, делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю через рот. Поворачиваю голову и смотрю на Лёшу. – Позже поговорим.

Я это так не оставлю. Нам предстоят большие расходы на свадьбу дочери. И возможно, после свадьбы она и не будет ни в чём нуждаться, но я хочу создать для неё подушку безопасности. Кто знает, как жизнь повернётся.

Сажусь на диван, упираюсь локтями в колени и закрываю лицо ладонями. Слышу, как Лёша садится обратно в кресло.

– Отлично. Все успокоились, и мы можем поговорить, – довольно произносит Полина. – Папа, это правда, что ты хочешь поделить квартиру?

– Ну, а что такого? Мы вместе на неё заработали и вместе купили.

Я пытаюсь подавить в себе желание прокомментировать слова ещё пока мужа. Убираю ладони от лица и сжимаю их в кулаки, стискиваю зубы.

– Но это неправильно! – возмущается Полина. – Это и мой дом тоже! Ты хочешь лишить меня дома?

– Ты уже взрослая и должна жить своей жизнью. Но, если хочешь, я куплю тебе другую квартиру.

Я удивлённо смотрю на Лёшу. Может, не всё потеряно?

Полина тяжело вздыхает и выпрямляется.

– Это, конечно, решение. Но! – Она строго смотрит на меня, а затем на отца. – Вы не можете так поступить со мной прямо перед свадьбой.

Мы с Лёшей непонимающе переглядываемся.

– Полина, солнце моё, – мягко произносит Лёша. Он встаёт и медленно подходит к дочери. – Мы с твоей мамой больше не любим друг друга, мы давно чужие люди, а нам уже обоим за сорок. И понимаешь, мы бы хотели стать счастливыми, пока это не поздно.

Я ведь и правда думала, что мы счастливы. Но Лёша так красиво говорит. Я даже начинаю верить, что он и в самом деле влюблён в эту Анжелу. Вот только в искренности чувств двадцатилетней девчонки я сильно сомневаюсь.

Давно чужие... Не считая прошлой ночи, когда мы были очень близки. И каково сейчас Лёше? Он же спал вчера с чужим человеком. Даже жалко его.

– И как давно вы чужие люди?

Дочь прямо читает мои мысли. Лёша бросает на меня мимолётный взгляд, в котором стоит мольба о помощи. Ну нет, сам эту кашу заварил, сам и расхлёбывай. Откидываюсь на спинку дивана, скрещиваю руки на груди и закидываю ногу на ногу.

– Достаточно давно, – неуверенно говорит муж, так и не дождавшись от меня поддержки.

– Знаешь, папа, а я как-то и не замечала, что вы чужие люди, – саркастически произносит Полина. – Значит, потерпите друг друга ещё месяц. Послезавтра прилетают родители Вани, и вы будете вести себя, как приличная семья! А после моей свадьбы можете хоть поубивать друг друга.

– Что?! – в один голос выдыхаем мы с Лёшей. Я вскакиваю с дивана.

– Пока я не выйду замуж, вы должны вести себя, как настоящая семья! Делайте, что хотите, но если моя свадьба сорвётся из-за вашего развода, я вам этого не прощу! Для родителей Вани очень важно, чтобы девушка была из полной и порядочной семьи.

– Серьёзно?

Я начинаю посмеиваться. Сегодня день потрясений. Муж предал, дочь удивляет своей циничностью и расчётливостью. Я, конечно, надеюсь, что это всего лишь шутка, но по лицу дочери читается совсем другое.

– Поля, ты чего? – Лёша тоже растерян таким заявлением. – Ты ведь понимаешь, что мои отношения с твоей мамой окончены, и я не могу продолжать ей врать. Я и так поступил очень некрасиво, мне мерзко от самого себя, но я полюбил другую...

– Ой! Даже слышать не хочу об этом! – Полина трясёт головой, выставив руки вперёд. – Это так гадко! Замолчи! Вы постоянно делали всё для себя: одна – работала круглыми сутками, второй – устраивал свою личную жизнь.

Полина с намёком смотрит на отца. Кажется, в её словах содержится какой-то скрытый подтекст. Лёша втягивает голову в плечи – он явно напуган.

– Да, папа. А ты думал, что никто ничего не знает?

– Что? – Я сглатываю. Дышать становится сложно. Меня словно огрели чем-то тяжёлым по голове.

– Да, мам, Анжела не первая его... возлюбленная.

Полина говорит с отвращением и косится на отца. А у меня горло пережимает, кожа покрывается мурашками. Так

мерзко, так противно... Хочется залезть в ванну и содрать с себя кожу! Сколько раз Лёша приходил домой после свидания с очередной любовницей и затем прикасался ко мне?

— Было много девушек, всех уж и не упомнить. Обычно они менялись каждые пару месяцев, но Анжела... Она хорошо в тебя вцепилась, пап. Ты ведь не хочешь, чтобы всем стало известно о твоих похождениях? Многие твои партнёры по бизнесу очень щепетильны в таких вопросах.

Я смотрю на мужа исподлобья. Внутри закипает гнев, руки дрожат.

— Полина, — строго, по-отцовски, произносит Лёша. — Леся... Это был просто... выплеск эмоций. Они для меня ничего не значили!

— Замолчи! — сквозь зубы произношу я. Даже звук его голоса для меня противен.

— Эй, устраивайте разборки после того, как я уйду. Не хочу этого видеть.

Лёша медленно, с опаской приближается ко мне. Я резко поворачиваю голову, и он замирает.

— Как ты мог?

— Я мужчина. Мне хочется молодого тела. Ты — прекрасная жена, хороша во всём, но возраст... Ты ведь понимаешь, твоя молодость уходит безвозвратно. Но я всё равно тебя любил. Как мать своего ребёнка, как партнёра...

— Хватит!

Я сжимаю челюсти. Век бы не видеть этого подонка, каж-

дое его слово мне омерзительно.

Поднимаю голову и смотрю на Полину. Лёша, скорее всего, согласится на её требования, потому что она уже перешла к шантажу. Так что всё теперь зависит от моего решения.

— Хорошо, я отыграю счастливую жену твоего отца, но при одном условии. — Полина кивает и поднимает брови в ожидании моего предложения. — Мы подпишем документы и разведёмся, как только я вернусь из командировки. Без суда, без разборок. Я даже прямо сейчас подпишу эти чёртовы документы. И на нашем браке ставится точка. Мы останемся счастливой семьёй только перед родителями Вани. Но пока их нет рядом... — Я поворачиваюсь к Лёше. — Даже не приближайся ко мне! Чтобы я даже голоса твоего не слышала.

Лёша кивает, опускает голову и переводит взгляд на окно.

— Мам, так не пойдёт...

— Мне плевать! Либо так, либо никак!

— Полин, мы ведь всё равно разведёмся, — замечает Лёша.

— Так ли важно, какая дата будет стоять на бумагах?

— Только я не понимаю, для чего всё это. — Я наклоняю голову и смотрю на дочь. — Что будет, если родители Вани узнают о нашем разводе? Что потом? Ваш развод с Ваней?

— Потом уже будет неважно. Мы все уедем и оставим вас. Я стану частью их семьи, а они не приемлют разводы.

— Не может быть счастливым брак, начатый с вранья.

Полина усмехается.

— Если бы не папина... влюблённость, всё было бы, как

раньше.

Плевать! На всё плевать! Меня переполняют такие сильные эмоции. Злость, гнев. Я не могу совладать с собой. Хватаю документы, протягиваю руку, и Лёша без слов даёт мне ручку. Ставлю свою подпись и, гордо выпрямившись, вручаю документы пока ещё мужу, глядя при этом дочери в глаза.

– Ты что, решила подарить Анжеле мою квартиру? – Полина с отвращением морщится. – Ты с ума сошла?

– Ты же не хочешь лишнего внимания. Вот его и не будет. Всё поделим поровну. И потом, зачем тебе квартира? Ты же уедешь и станешь частью другой семьи. И мне такая огромная квартира не нужна. Без доли бизнеса я тоже обойдусь, не хочу, чтобы нас что-то связывало с твоим отцом. А на всё, что мне нужно, я смогу заработать сама.

– Что?! Так ты ей всё подаришь? Папа же всё на неё спустит! Ты же видишь, она у него мозги высосала через...

– Это его деньги, он их заработал. Имеет полное право. – Я безразлично пожимаю плечами. Мне сейчас противны они оба.

– Ты... Ты...

– Ну, согласен? – Я поворачиваюсь к Лёше. Он удивлённо смотрит на бумаги.

– К-конечно.

– Ну вот и порешили. Каждый получит то, что хотел. Ты, – смотрю я на дочь, – получишь счастливую семью, как на картинке. А ты, – перевожу я взгляд на Лёшу, – деньги и чест-

ный, быстрый развод. Квартиру, думаю, придётся продать по дешёвке, чтобы не затягивать с нашим расставанием.

– Да ты совсем чокнулась, мам!

– А что? – Лёша довольно улыбается, хотя всё ещё выглядит немного растерянным. – Вполне выгодное предложение. Каждый получает, что хочет. Всё честно.

Как же Лёша давит на честность, хотя сам сильно ею обделён.

Полина молчит, но выражение её лица говорит о многом. Она злится, но ничего не может поделать. Мы не обязаны прикидываться счастливой семьёй ей в угоду – это всего лишь жест доброй воли. Я желаю своей дочери счастья, несмотря ни на что, но уже не верю в её искренние чувства к Ване.

– Да пошли вы! – Полина топает ногой и, резко развернувшись, выбегает из комнаты.

Лёша мнётся, переступает с ноги на ногу, кидая постоянные взгляды на бумаги. Я же замираю на месте. Моя жизнь в один день развернулась на сто восемьдесят градусов, и мне нужна секунда, чтобы осознать происходящее. В сорок лет потерять всё, что давало ощущение стабильности и заставляло двигаться дальше. Я осталась совсем одна.

Наверное, придётся завести кошку. Она хотя бы не предаст и не будет бегать есть из миски соседей, потому что у них руки моложе. Хотя, скорее всего, я даже кошку не смогу нормально воспитать, учитывая, какую дочь я вырастила.

В возрасте Полины я ещё не была такой, как сейчас. На мне не висел груз ответственности. Я радовалась единственному цветочку, сорванному Лёшей по пути домой. Радовалась каждой мелочи. А что ценно для Полины? Кто она вообще такая? Ради своего счастья она скрывала от меня происхождения своего отца. Скрывала, чтобы попасть в богатую семью? Она ведь и так ни в чём не нуждается.

– Ну что? – вдруг подаёт голос Лёша. – Что теперь делать? Я, наверное, должен перевезти вещи обратно? Как глупо вышло...

Я с трудом перевожу взгляд на мужа.

– Убирайся.

Если бы Лёша только знал, сколько усилий я сейчас прикладываю, чтобы не выцарапать ему глаза. Столько лет... Как так можно? Поскорей бы покончить со всем этим, избавиться от этого предателя и начать новую, свободную жизнь.

– Но это ведь и моя квартира. Мы ведь должны ещё месяц прожить вместе. Пойми, я тоже не рад этому обстоятельству...

– Я сказала – убирайся!

Лёша вздрагивает. Я никогда не разговаривала с ним в таком тоне. А ещё я никогда не была настолько разъярена.

– Ну, ладно... – Лёша мечется из стороны в сторону, не понимая, что ему делать. – Я тогда отнесу заявление юристам и запущу процесс. Ты не переживай, мы всё поделим поровну. Я не обману тебя.

Конечно, и так уже достаточно обманул. Да и плевать мне на деньги. Что мне эти деньги? Когда-то у меня их не было и, кажется, в те времена я была гораздо счастливей, чем сейчас. А ещё я теперь знаю: что бы ни произошло, я сама смогу о себе позаботиться. Найти жильё, сделать там хороший ремонт и заработать на это всё!

С этой квартирой связано столько воспоминаний. Не хочу жить с ними. Не хочу вспоминать, что вся моя жизнь была фарсом. Даже если Лёша вновь решит меня обмануть, мне всё равно, лишь бы больше никогда его не видеть.

Я разворачиваюсь и внимательно смотрю на мужа, пре-возмогая отвращение.

– Когда ты начал мне изменять? И сколько их было?

– Это уже неважно. – Лёша поджигает губы и опускает голову. – Это были всего лишь... Ну, мимолётные увлечения. Я любил тебя, а они были лишь эпизодам и давали мне то, что не могла дать ты. Но Анжела, она другая. – Муж произносит это имя с таким придыханием, что я верю: он и вправду влюблён в эту девчонку. – Я никогда не испытывал таких сильных чувств и не сумел с собой совладать. Мне сложно расставаться с тобой, ведь мы были вместе столько лет, но я чувствую, что моё место рядом с ней. Так для всех будет лучше. Я ещё могу быть счастлив.

Выдыхаю и закатываю глаза. Неужели Лёша считает это оправданием? Или что от этих слов мне станет легче?

– Ну... Я, наверное, пойду. – Он пожимает плечами. – Ты

во сколько возвращаешься? Успеешь до приезда родителей Вани? Полина хотела, чтобы мы все вместе их встретили.

Лёша говорит так, словно ничего не произошло. Словно всё нормально.

— Ещё не знаю. — Не смотрю на мужа. — Кристина пока не прислала обратные билеты. Во сколько приезжают родители Вани?

— Вроде около восьми вечера, точно не скажу. Уточню у Полины и напишу тебе. Ты ведь понимаешь, что для Полины это важно. Давай постараемся...

— Я сделаю, как нужно. — Резко поворачиваюсь к Лёше и сверлю его взглядом. — Но сейчас уйди отсюда! Оставь меня в покое!

Лёша опускает голову и быстро идёт к двери.

— Прости меня, — произносит он, повернув голову, и уходит.

Я выдыхаю. Во всём теле слабость, ноги подкашиваются, и я буквально падаю на диван. Вся жизнь... Вся моя жизнь оказалась обманом, всё разрушено. Мне противно находиться в собственной квартире. Может, и к лучшему, что мы её продадим. Куплю новую, сделаю ремонт только для себя, начну всё заново. Без воспоминаний.

Потерпеть всего месяц... Как пережить его, если противно смотреть на мужа? А нужно ведь ещё и прикидываться счастливыми и влюблёнными. Зачем я на это согласилась? Эмоции — зло!

Я выжата. Ничего не хочется, даже шевелиться сил нет. Сажу и смотрю в стену, и сама не замечаю, как засыпаю.

Меня подбрасывает от звонка мобильного. Хватаю трубку. Сколько времени прошло? Сколько я проспала?

– Олеся Александровна, я забронировала обратный билет. Вылет в шесть утра. Это единственный рейс, на который были места.

– Что? Который час?

Я убираю телефон от уха и смотрю на дисплей. Со сна все цифры расплываются, с трудом разбираю их, и меня словно током бьёт. Я вздрагиваю, и сонное состояние спадает в один миг.

– Олеся Александровна, уже половина восьмого, у вас самолёт через два часа. Я думала, вы уже едете...

– Так, ладно. – Я часто моргаю и прикидываю, сколько у меня времени на сборы. – Я... Всё, мне пора.

Сбрасываю звонок.

Нужно успеть принять душ. Вещи собраны ещё вчера. Забегаю на кухню, скидывая с себя одежду по пути, включаю кофеварку и запрыгиваю в душ.

Через полтора часа я уже стою в аэропорту в очереди на регистрацию.

Кристина совсем не умеет планировать время. Вернусь – точно уволю её.

Я прилетела всего за несколько часов до встречи. Тем не менее всё прошло гладко, мы с новыми партнёрами быстро нашли общий язык, правда, с их стороны присутствовал только заместитель: директор подключился удалённо, связь оставляла желать лучшего, и в основном он присылал свои вопросы в сообщениях, из-за чего встреча немного затянулась.

Но, несмотря на некоторые трудности, мы договорились обо всём всего за пару часов. Я могла бы улететь сразу же после встречи и быть дома уже сегодня, но Кристина... Ладно, наверное, мне не мешает проветрить мозги после всех событий.

В городе много интересного, но мне лень куда-то идти. Оставшийся день я провожу в номере отеля: чищу телефон от наших совместных с Лёшей фотографий, предаюсь воспоминаниям и долго плачу. Я вроде и злюсь на Лёшу, но всё равно мне больно, когда я смотрю на фото, хотя теперь-то знаю, что всё это было обманом. Как же сложно соединить разум и чувства.

Приняв душ, я натираю руки ночным кремом, прохожу мимо большого зеркала и замираю. В голове звучат слова

Лёши: «Я мужчина. Мне хочется молодого тела. Ты прекрасная жена, хороша во всём, но тело... Ты ведь понимаешь, что не молодеешь, твоя молодость уходит безвозвратно...»

Подхожу ближе и рассматриваю своё лицо. Как только появилась такая возможность, я стала ходить к косметологам и в спортзал, начала принимать витамины, но конечно, это не панацея от старения, и возле глаз и губ всё же появились морщинки. Я очень боюсь врачей и уколов, поэтому пока не прибегала к более серьёзным способам сохранения молодости.

– Я ещё не старая! – произношу я, глядя на своё отражение. Внутри закипает гнев.

Поворачиваюсь. Одеяло на кровати откинута. Ещё только десять вечера, а я уже собралась спать. Когда я позволяла себе расслабиться в последний раз? Теперь я почти свободная женщина. А почему бы мне не...?

Прикусываю нижнюю губу и улыбаюсь. Хочется почувствовать себя красивой и желанной, что-то доказать Лёше. Перебираю вещи в чемодане, но в нём лишь деловые костюмы, сменные рубашки, брюки, одно чёрное платье и пиджак.

Достаю платье и внимательно его разглядываю. Что ж, выбора всё равно нет. Делаю укладку. Обожаю свои рыжие волосы! Даже когда пришло время их красить, я просила, чтобы цвет подобрали как мой родной.

На сборы уходит целый час, и моя затея начинает казаться мне сомнительной. Ну вот приду я в ресторан, и что? Увижу

там молодых, красивых, подтянутых девушек и только расстроюсь... Нет, к чёрту такие мысли! Я иду туда только ради себя, а не для того, чтобы цеплять там мужчин или что-то подобное! Я просто иду развеяться!

Гостиница, в которой я остановилась, — одна из самых дорогих и находится в центре города. Идти в другое место страшновато, начну пока с малого. Хотя бы приучу себя выходить в люди и чувствовать себя свободной. Хватит сидеть с каменным лицом, демонстрируя всем колечко на пальце, — нужно попробовать расслабиться и открыться новым знакомствам.

Кольцо! Вспоминаю про него, уже покинув номер. Быстро снимаю его и кладу в сумочку.

Несмотря на середину рабочей недели, ресторан при отеле полон гостей. Сажусь у барной стойки, смущённо оглядываюсь по сторонам. Тихо играет нежная мелодия, атмосфера расслабляющая.

— Добрый день. — Бармен лет тридцати в белой рубашке и галстук-бабочке дружелюбно улыбается и складывает руки за спиной. — Чего желаете?

Быстро осматриваю бутылки в баре. Чего я желаю...? Выпить нечто такое, что вернёт меня в мои восемнадцать лет? Нечто такое, что избавит меня от чувств?

— Что-нибудь, что поможет забыть последние пару дней.

Я устало улыбаюсь, чувствую себя не в своей тарелке. Поправляю платье на груди — смущает, что у меня открыты ру-

ки. Обычно на это платье я накидываю пиджак, но не в этот раз. Хотела выглядеть сексуальней...

— Понял. — Улыбка бармена становится весёлой. Он понимающе кивает, ставит передо мной стакан и наполняет его золотистой жидкостью. — Односолодовый восемнадцатилетней выдержки, и голова наутро будет свежей. Мне кажется, для такой женщины самый подходящий напиток.

— Для какой? — Во мне появляется какое-то кокетство и интерес.

— Ну, вы строгая, самоуверенная и... — Бармен наклоняется ко мне ближе и добавляет чуть тише: — Очень сексуальная.

У меня щёки начинают гореть. Я смущённо наклоняю голову и улыбаюсь. Кажется, в ресторане стало на несколько градусов жарче.

Бармен заводит со мной лёгкий непринуждённый разговор, постоянно поглядывает на меня и улыбается. Мне приятно его внимание, и я даже начинаю чувствовать себя немного иначе. Более женственной.

— Олеся?

Глубокий и чувственный мужской голос раздаётся совсем рядом со мной, его звук словно окутывает меня. Поворачиваюсь, чтобы посмотреть на его обладателя. Это высокий, статный, широкоплечий мужчина в дорогом синем костюме. Ворот белой рубашки небрежно расстёгнут, в чёрных волосах поблёскивает седина, а глаза... Голубые. Такой насыщенный и завораживающий цвет, словно я смотрю в морскую

бездну.

– Ты меня не узнала?

Мои губы растерянно приоткрываются. Прохожусь по лицу незнакомца взглядом, напрягаю память, но в голове пусто. Не верится, что я могла забыть такого мужчину.

– Не узнала?

Уголок его губ приподнимается, а глаза сужаются, в них появляется игривый блеск. Перебрав мысленно всех знакомых мужчин, я отрицательно качаю головой.

– Это я, Серёжа Воронов. Не помнишь? Мы были вместе в лагере. – На его лице появляется смущение и едва заметное сомнение. – Ну... я тогда выглядел немного иначе.

Я прищуриваю глаза, про себя повторяю имя, и тут меня осеняет. Перед внутренним взором появляется полноватый шестнадцатилетний мальчик с нелепыми растрёпанными кудряшками. Он дрожащими руками протягивает мне букет из колокольчиков и ромашек. Смотрю на мужчину передо мной и не могу сопоставить его с мальчиком из воспоминаний.

– Серёжа Воронов? – растерянно переспрашиваю я. Меня так это поражает, что даже дыхание перехватывает. – Ты... – Я сглатываю. – Ты сильно изменился.

– Это точно, – усмехается он. – А вот ты ни капли не изменилась. Всё такая же обворожительная и притягательная. – Он прищуривается. – Ну, может, стала чуть сексуальней.

Я ошарашенно смотрю на Серёжу. Это невероятная транс-

формация! В шестнадцать лет он весил килограммов сто, а лицо было покрыто прыщами. Осматриваю старого знакомого с ног до головы.

– Что ты тут делаешь?

Не знаю, о чём говорить, но мне ужасно хочется узнать, как так получилось, что из гадкого утёнка он превратился в настоящего короля лебедей.

– Приехал по работе, но... Нет, не хочу об этом разговаривать сейчас. – Он опускает взгляд на мой стакан и кивает бармену. – Мне то же, что и девушке. – Вновь смотрит на меня. Его взгляд завораживает, по коже бегут мурашки. – Расскажи о себе. Столько лет прошло! Муж, дети, счастливая семья? Бизнес? Я уверен, что ты преуспела во всём. Шикарно выглядишь.

– Спасибо. – Я смущённо опускаю голову. Почему-то рядом с Серёжей мне хочется побыть слабой, уязвимой. Чувствую, как кровь приливает к щекам. – Ну-у-у... всё почти так. – Кручу в руках стакан. Стыдно признаваться, что у меня не всё так гладко. – Ты почти угадал, только муж уже бывший.

Я поднимаю руку, показывая палец без кольца. Сама не понимаю, как это происходит, но во мне опять включается какое-то кокетство. Хочу, чтобы Серёжа знал, что я уже свободна.

– Значит, у меня снова появился шанс? Надеюсь, ты вышла замуж не за того придурка, с которым встречалась?

Я усмехаюсь. Вспоминаю, как Лёша побил Серёжу, узнав, что тот ухаживает за мной и дарит цветы. Мне становится неловко.

— Похоже, все вокруг знали, что он мне не подходит. — Беру стакан и поворачиваюсь спиной к барной стойке. — Одна я была слепа двадцать с лишним лет.

Серёжа встаёт немного ближе ко мне. Чувствую его древесный с цитрусовыми нотками парфюм — строгий и грубоватый. Мне кажется, этот аромат идеально ему подходит.

— Не верится, что прошло столько времени. — Он касается моих волос, отделяет прядку и задумчиво наматывает её на палец. — А ты всё такая же. Можешь свести с ума любого.

Меня в жар бросает, дышать становится тяжело. Вздрагиваю и отстраняюсь, отворачиваюсь.

— А ты как? Семья, дети, работа?

— Почти. — Серёжа издаёт смешок. Чувствую на себе его взгляд. — Не так давно развёлся. Живу в Питере, сын уже совсем взрослый.

— Соболезную, — произношу я и подношу к губам стакан, чтобы скрыть за ним довольную улыбку.

Приятно слышать, что Серёжа свободен. Я, наверное, распушенная женщина — ещё не развелась, а уже дрожу от взгляда другого мужчины, но стоит признаться: Лёша никогда так не смотрел на меня. Да и я себя так не ощущала с ним. Может, только в самом начале наших отношений.

От Серёжи веет силой, рядом с ним я словно превраща-

юсь в семнадцатилетнюю девочку, нежную и невинную. Мы пропускаем один стакан за другим, разговариваем. Мне легко с Серёжей, а от его взгляда я таю. Он постоянно находит повод, чтобы прикоснуться ко мне, а я смущаюсь и краснею. Как же давно я себя так не ощущала, мне так сильно хочется произвести на него хорошее впечатление.

Пальцы Серёжи прикасаются к моей руке и медленно поднимаются. Он откидывает назад мои волосы и проводит рукой по моей шее. По телу бегут мурашки, я не могу сопротивляться, меня тянет к Серёже. Он наклоняется и легонько скользит по моей шее губами. Я перестаю дышать, внутри меня всё дрожит, кончики пальцев покалывает.

– Ко мне? – томно спрашивает он. Его дыхание щекочет мою кожу.

Нельзя спать с первым встречным. Нельзя прыгать в кровать на первом свидании. Да я ещё даже не развелась! Куча других «нельзя» проносится у меня в голове, но тоненький голос произносит: «Если очень хочется, то можно», и заглушает всё остальное. Серёжа завтра улетит в Питер, и мы наверняка больше не встретимся. О моём поступке никто и никогда не узнает, а я, пусть и на несколько часов, но отрекусь от реальности и побуду счастливой и желанной женщиной. Я же вижу, как Серёжа смотрит на меня. За весь вечер он ни разу не взглянул на других девушек. Те пытались привлечь его внимание, но он был сосредоточен только на мне.

– К тебе, – произношу я, закусив губу.

Серёжа наклоняется и целует меня. Если бы я не сидела, то наверняка потеряла бы равновесие и упала. Голова идёт кругом от этого глубокого и чувственного поцелуя.

В сон врывается противный писк. Не сразу, но в конце концов я понимаю, что это будильник. Резко распахиваю глаза, срываюсь с постели, нахожу сумку и отключаю его. Медленно разворачиваюсь. Обнажённый Серёжа лежит на огромной кровати, на него падает свет от огней ночного города, проникающий сквозь окно. Застываю, как вкопанная, дышать не могу, в горле появляется ком.

Он ещё красивей, чем был вчера, а его тело... Для сорокапятилетнего мужчины он выглядит, как бог: крепкий, накачанный, с золотистым загаром. Возможно, он недавно был где-то в отпуске под палящим солнцем. Фантазия уже рисует его в трусах, отдыхающего на пляже. Солнечный свет отражается в капельках воды на его теле. Его губы, полные, чувственные... Меня словно бьёт током. Вспышка перед глазами, и я снова ощущаю, как он целует меня этими губами, как они шепчут приятные, нежные и откровенные слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.